

КЛАССИЧЕСКАЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Торнтон

УАЙЛДЕР

Небо –
моя обитель

роман

Небо –
моя обитель

Торнтон Уайлдер

Небо – моя обитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944725

Торнтон Уайлдер. Небо – моя обитель: АСТ, АСТ Москва; Москва;

2010

ISBN 978-5-17-062889-6, 978-5-403-02761-8

Аннотация

Одно из знаковых в философском отношении англоязычных произведений первой половины XX века.

Этот роман критики и литературоведы по сей день сравнивают с «Дон Кихотом» Сервантеса.

Забавная и щемяще-печальная притча о странствиях и приключениях «современного святого» – коммивояжера-книготорговца Джорджа Марвина Браша в американской глубинке времен Великой депрессии. Браш наивен и простодушен. Он чист душой и поистине «не ведает зла».

Однако мир, в котором он совершает свое то ли путешествие, то ли паломничество в поисках «души Америки», вовсе не предназначен для святых.

Понять этот мир, принять и простить будет нелегко...

Содержание

Глава I	5
Глава II	31
Глава III	45
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Торнтон Уайлдер

Небо – моя обитель

*Я – Джордж Браш,
Ладдингтона житель.
Америка – моя родина,
Небо – моя обитель.
(На американском Среднем Западе дети часто писали
этот стишок на своих учебниках.)*

*Из всех человеческих талантов доброта
взрослеет последней.
Т. Уайлдер. Женщина с Андроса*

Печатается с разрешения The Wilder Family LLC и литературного агентства The Barbara Hogenson Agency, Inc.;

© The Wilder Family LLC, 1935

© Перевод. Ю.А. Здоровов, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Если Вы хотите узнать больше о Торнтоне Уайлдере, его жизни и творчестве, пожалуйста, посетите сайт:
www.ThorntonWilderSociety.org.

Глава I

Джордж Марвин Браш пытается спасти несколько душ в штатах Техас и Оклахома. Доремус Блоджетт и Марджи Маккой. Мысли, пришедшие на ум в день двадцатитрехлетия. Браш забирает свои сбережения из банка. Уголовное досье Браша; второе заключение в тюрьму

Однажды утром в конце лета 1930 года хозяин и некоторые гости отеля «Юнион» в Кресткрего, штат Техас, с неудовольствием обнаружили, что кто-то написал библейские изречения на промокашке, лежавшей в холле на письменном столе. Два дня спустя точно такое же неудовольствие испытали постояльцы гостиницы Маккарти в Аскепо того же штата, а хозяин театра «Жемчужина», расположенного неподалеку, с удивлением заметил, что афиша на его двери испачкана и изорвана. Тем же вечером молодой человек, проходивший мимо церкви Иоанна Крестителя, увидел объявление о библейской викторине, заплатил за вход пятнадцать центов и, пристроившись у стены, выиграл первый приз, особо отличившись в знании генеалогического древа царя Давида. Вечером следующего дня пассажиров пульмановского вагона для некурящих, идущего в Форт-Уорт, поразил молодой человек в пижаме, преклонивший колени для молитвы около своей полки. Он был настолько поглощен этим заняти-

ем, что даже не заметил, как ему на плечо упали сверху журналы «Уэстерн магазин» и «Скрин фичерс». На следующее утро молодая дама вышла после завтрака в тамбур спокойно выкурить сигарету, а вернувшись на свое место, увидела в углу вагонной рамы визитную карточку: *Джордж Марвин Браш, представитель педагогического издательства Колкинса, имеющего отделения в Нью-Йорке, Бостоне и Чикаго и выпускающего «Арифметику» и «Алгебру» Колкинса, а также другие прекрасные учебники для школ и колледжей.* По верхнему полю карандашом было аккуратно добавлено следующее: *Курящей женщине нельзя быть матерью.* Молодая дама едва заметно покраснела, разорвала карточку на мелкие кусочки и притворилась, что спит. Через несколько минут она села и обвела купе устало-презрительным взглядом. Никто из пассажиров, похоже, не был способен на такую выходку, а уж молодого человека крепкого телосложения, не отрывавшего от нее серьезных глаз, никак нельзя было заподозрить ни в чем подобном.

Молодой человек взял свой портфель и с чувством исполненного долга перешел в вагон для курящих. Там было нелегко найти свободное место. Стояла жара, и пассажиры, сняв пиджаки и расстегнув воротники сорочек, сидели, развалившись, в голубой табачной дымке. В нескольких местах играли в карты, а в дальнем углу нервный молодой человек пел нескончаемую балладу, то прищелкивая пальцами, то притопывая себе в такт. Вокруг него собралась кучка людей,

дружно подтягивавших припев. В вагоне установилась дружеская атмосфера, из одного конца в другой неслись шуточные реплики. Браш изучающе обвел пассажиров взглядом и выбрал себе место около высокого мужчины с желто-коричневым лицом, который был без пиджака.

– Садись, приятель, – сказал мужчина. – Не раскачивай вагон. Садись и дай прикурить.

– Меня зовут Джордж Марвин Браш, – сказал молодой человек, схватив собеседника за руку и искренне глядя ему в глаза слегка затуманенным взором. – Рад познакомиться с вами. Я коммивояжер, торгую книгами. Родился в Мичигане, а сейчас еду в Веллингтон, штат Оклахома.

– Вот и прекрасно, – сказал мужчина. – Вот и прекрасно, только не надуйся, сынок, отдыхай. Мы не в полицейском участке.

Браш слегка покраснел и произнес с ноткой назидательности:

– Я предпочитаю выкладывать карты на стол с самого начала.

– Ты что, приятель, не слышал? – спросил мужчина, бросив на собеседника равнодушно-любопытный взгляд. – Отдыхай. Дай прикурить.

– Не курю, – сказал Браш.

Беседа коснулась погоды, урожая, политики и экономического положения страны. Наконец Браш произнес:

– Брат, можно мне поговорить с вами о самом важном в

нашей жизни?

Мужчина медленно вытянулся во весь свой рост и провел рукой по длинному желтому лицу.

– Если ты о страховке, то я ими сыт по горло, – сказал он. – Если о нефтяных скважинах, то мне на них и смотреть тошно, а если о религии, то я уже спасен.

Браш был готов к такому повороту событий. В колледже им читали курс «Как начинать с незнакомцем беседу о “Спасении”» (два с половиной семестра), за которым следовал курс «Аргументация в религиозных спорах» (полтора семестра). В лекциях приводились основные аргументы проповедника и возможные ответы оппонента. Один из ответов в том как раз и состоял, что оппонент уже спасен. Это утверждение может быть либо (1) истинным, либо (2) ложным. В обоих случаях проповедник должен произнести то, что в реальной жизни Браш и произнес:

– Превосходно. Для меня нет большего удовольствия, чем беседовать о серьезных предметах с верующим.

– Я спасен, – продолжал высокий мужчина. – Бог дал мне мозги, чтобы я не корчил из себя идиота на людях. И не совал нос в чужие дела. Так что заткни пасть, златоуст, и проваливай, если не хочешь, чтобы я вырвал твой поганный язык.

Авторы теоретических курсов предусмотрели и такой поворот событий.

– Вы сердитесь, брат, – сказал Браш, – потому что недовольны собственной жизнью.

– Послушай, – сказал мужчина серьезно. – Слушай, что я тебе скажу. Предупреждаю, ты пожалеешь, если еще хоть раз пикнешь об этом. Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

– Я не хочу надоедать вам, брат, – сказал Браш. – Но если я и замолчу, не думайте, что меня напугали ваши угрозы.

– Я предупреждал тебя, – сказал мужчина тихо. Он наклонился, взял портфель, лежавший около ног Браша, и выбросил его в открытое окно. – А теперь ищи его, приятель, и в следующий раз знай, к кому приставать.

Браш встал и вымученно улыбнулся.

– Брат, – сказал он, – вам повезло, что я противник насилия. Я мог бы расплющить вас о стенку вагона. Я мог бы за просто сломать вам шею. В нашем колледже не было никого сильнее меня. Но я вас не трону. Вы насквозь прогнили от виски и сигарет.

– Ха, ха, ха! – расхохотался мужчина.

– Вам повезло, что я противник насилия, – механически повторил Браш, глядя на лицо мужчины, на его желтую морщинистую шею и голубое пятнышко, оставшееся на воротнике от пуговицы.

Теперь уж за ними наблюдал весь вагон. Мужчина с желто-коричневым лицом положил руку на спинку сиденья, как бы приглашая соседей повеселиться вместе с ним.

– Чокнутый, – сказал он.

Послышались угрожающие голоса: «Пошел вон. Гони

его».

Браш заорал в лицо мужчине:

– Вы отравлены... Это любой легко заметит... Вы умираете. О душе надо подумать.

– Ха, ха, ха! – отозвался мужчина.

Шум в вагоне вырос до всеобщего гвалта. Браш по проходу добрался до туалета. Его била дрожь. Держась руками о стенку туалета, он уткнулся в нее лбом. Ему казалось, что его вот-вот вырвет, и он все время еле слышно повторял: «Он насквозь прогнил от виски и сигарет». Потом прополоскал горло холодной водой и, успокоившись, вернулся в вагон для некурящих. Не поднимая глаз, он дошел до своего прежнего места, сел, обхватив голову руками, и уставился в пол.

– Я не должен ненавидеть людей.

Час спустя поезд прибыл в Веллингтон. Браш снял номер в гостинице, нанял машину и съездил за портфелем. Потом весь день обзванивал деканов местного колледжа. Выйдя после обеда из столовой, он подошел к письменному столу в холле, аккуратно написал на промокашке несколько библейских изречений и рано лег спать.

На следующий день ему исполнялось двадцать три года.

* * *

Встав ни свет ни заря, он до завтрака отправился на прогулку. В руке он держал черновой список пожеланий само-

му себе на ближайший год, а также реестр своих достоинств и недостатков. В холле он заметил, что на письменный стол положили новую промокательную бумагу. Он подошел к столу, вынул авторучку и несколько мгновений постоял в нерешительности. Потом, не садясь за стол, аккуратно вывел по верхнему краю: «Ты, Боже, видишь меня». Негр, сидевший на полу и драивший плевательницы, медленно поднял на него глаза и сказал со сдержанной злобой:

– Вам бы лучше не писать на промокашке. Мистер Джиббз ужасно расстроится. Он уже ее сегодня один раз поменял, он очень расстроится.

– Кому от этого вред? – спокойно спросил Браш, возвращая авторучку в карман.

– Людям не нравится. Мистер Блоджетт, он живет у нас, злился почему зря.

– Ну что ж, передай мистеру Блоджетту, что я хочу с ним побеседовать. С удовольствием познакомлюсь с мистером Блоджеттом, – ответил Браш, наливая себе из бачка стакан охлажденной воды.

В этот момент в холл вошел хозяин гостиницы с двумя постояльцами – мужчиной и женщиной. Мужчина был невысокий и толстый, на его красном лице выразительно двигались темные кустистые брови. Он подошел к столу и взял лист почтовой бумаги.

– Посмотрите-ка, – неожиданно закричал он, указывая на промокашку. – Вы только посмотрите. Уже второй раз. Боже,

у меня от этого голова начинает болеть.

– Нет на них управы, мистер Блоджетт, – грустно сказал хозяин гостиницы. – В прошлом году у нас остановился парень...

– Хотел бы я встретить этого типа. Я бы ему выложил все, что о нем думаю.

Хозяин что-то зашептал мистеру Блоджетту на ухо, указывая большим пальцем на Браша.

Блоджетт присвистнул.

– Вот те на! – сказал он.

Женщина громко вмешалась:

– Вечно ты, Рем, связываешься с сумасшедшими. Когда-нибудь допрыгаешься. Пойдем завтракать и оставь его в покое.

– В дороге надо время от времени развлекаться, сестра, – сказал Блоджетт. – У тебя будет такая возможность. Сейчас увидишь.

Когда Браш направился к выходу, Блоджетт протянул руку.

– Слушай, парень, – сказал он тихо, подняв одну бровь, – где ты устраиваешь свои собрания?

– Я не устраиваю собраний, – ответил Браш, пожимая протянутую руку и глядя пытливо в его глаза. – Если не ошибаюсь, вас зовут Блоджетт. А меня – Джордж Браш. Джордж Марвин Браш. Я коммивояжер, торгую учебниками. Рад познакомиться с вами, мистер Блоджетт.

– Да, сэр, я тоже, – сказал Блоджетт. – Доремус Блоджетт, фирма «Вечный трикотаж». Значит, вы коммивояжер?

– Да.

– А что это вы промокашки пачкаете? Молодой и здоровый мужчина – смекаете?

– Рад поговорить на эту тему, – сказал Браш.

– Вот и замечательно. Послушайте, Браш. Вы же разумный человек. Мы боялись, что вы один из этих фанатиков – смекаете? Браш, я хочу вас представить самой красивой девушке в мире, моей кузине, миссис Марджи Маккой.

– Рад познакомиться с вами, – сказал Браш.

У миссис Маккой было большое, пухлое, обильно напудренное лицо. Оно венчалось копной оранжево-каштаново-черных волос. На представление она никак не отреагировала.

– Как мужчина мужчине, – продолжал Блоджетт, – скажите мне все же, зачем вы пишите на промокашках? Ну, я понимаю, если бы вы были проповедником. Им за это платят.

– Когда я нахожу прекрасную мысль, мистер Блоджетт, мне хочется поделиться ею с другими.

– Оставь его, Рем, оставь его, – сказала миссис Маккой, призывая своего кузена в столовую кивками и хмурыми взглядами в нужном направлении.

– Мне это не по душе, – продолжал ее кузен неожиданно воинственным тоном.

– Если вам это не по душе, – продолжал Браш, – то только

потому, что вы, как сами знаете, живете неправильно.

Блоджетт перешел на крик:

– Вы, вонючие реформаторы, думаете, что все люди...

В этот момент миссис Маккой встала между двумя мужчинами.

– Давай сначала позавтракаем, ради всего святого. Перестань. Перестань сейчас же. Всегда лезешь в драку. Забыл, что сказал доктор? Сохранять спокойствие.

– Я не дерусь ни с кем, миссис Маккой. Пусть он скажет все, что хочет.

Блоджетт снова заговорил, уже спокойнее:

– Я бы ничего не сказал, если бы речь шла о проповеднике, но что меня бесит больше всего... Черт возьми, всему свое место.

– Ах, перестань и пойдем выпьем кофе, – сказала миссис Маккой, добавив шепотом: – Он чокнутый. Оставь его.

– Слушай, а почему ты не проповедник? Почему ты не в церкви, где тебе самое место? – спросил Блоджетт.

– На то есть своя причина, – ответил Браш, уставившись не мигая на стену за Блоджеттом.

– Что, денег не хватило?

– Нет, дело не в этом... У меня чисто личная причина.

– Замолчи сейчас же! – заорал Блоджетт. – Я ничего не хочу слышать о чужих личных делах. Я только говорю, что, на мой взгляд, у тебя гораздо больше личных причин быть церковником.

Браш мрачно смотрел на него.

– Я не боюсь в этом признаться, – сказал он. – Я совершил нечто такое... Я совершил нечто такое, что священник совершить не может.

– А-а, понял, – сказал Блджетт заговорщицки. – Ну... тогда совсем другое дело.

– Что он сказал? – спросила миссис Маккой.

– Он сказал... что сделал что-то такое, что священник сделать не может. – Затем, повернувшись к Брашу, Блджетт спросил, понизив голос: – А что это было?

– Я не могу сказать это в присутствии дамы, – ответил Браш.

Блджетт поднял брови и сочувственно присвистнул.

– Черт-те что! Значит, с женщиной спутался, точно?

– Да.

Блджетт поцокал языком.

– Ты должен жениться на бедняжке.

Браш посмотрел на него внимательно.

– Разумеется, я хочу жениться на ней. Только я не могу найти ее.

– Пошли отсюда, – заорала неожиданно Марджи Маккой. – Я схожу с ума. Оставь его, Рем. Он тронутый. Чокнутый. – И она быстро ушла в столовую.

Блджетт напустил на себя такой серьезно-задумчивый вид, словно говорил с Наполеоном.

– Ужас какой! Как это случилось?

– Мне бы не хотелось говорить об этом, – ответил Браш.

Блуджетт задал несколько вопросов о дорогах и деловой жизни Техаса. Потом предложил:

– Может, зайдешь к нам в номер вечером? Поболтаем?

– С удовольствием, но я сейчас уезжаю в Оклахома-Сити.

– Ну и что? Мы сами завтра будем там. Где ты собираешься остановиться?

Выяснилось, что и Браш и Блуджетт собираются жить в гостинице «Макгроу-хаус», и встреча была назначена на следующий вечер.

– Порядок! Около восьми, идет? Приходи к нам в номер, пропустим по стаканчику.

– Я не пью, но с удовольствием побеседую.

– Не пьешь?

– Нет.

– Конечно, понимаю, спиртное – вне закона, – заметил Блуджетт великодушно.

– Спиртное подрывает нервную систему и понижает потенцию, – добавил Браш.

– Ты прав, черт тебя побери. Прав. Как-нибудь обязательно брошу. Чертовски прав. Но ты не против, если мы с малышкой пропустим по стаканчику в твоём присутствии?

– Нет.

В дверях появилась миссис Маккой.

– Иди сюда, Рем, – заорала она. – Иди сюда. Он же может застрелить тебя или еще чего сделать.

– Что значит застрелить, Мардж? Он в порядке. Мировой парень. – Он шлепнул Браша по спине, а затем, понизив голос, добавил доверительно: – Не обижайся, ладно? Малышка всегда такая с незнакомыми людьми.

Блуджетт дружески подмигнул и последовал за своей кузиной на завтрак.

Выйдя из гостиницы, Браш пошел прочь от центра, держась в тени тополей. Он с завистью вслушивался в звуки обыденной жизни, которые неслись из домов справа и слева от него. Хозяйки, высунувшись из окон, вытряхивали коврики и гремели в кухне посудой. Дети кричали пронзительно, каждая фраза начиналась и кончалась жалобным «ма». Одни мужчины по утреннему холодку выкашивали лужайки перед домами, другие открывали двери гаражей и с гордостью оглядывали свои машины. За городом Браш свернул с дороги на тропинку, петлявшую среди густой травы. Миновав кучи мусора и заброшенную лесопильню, он вышел к чистому ручью, быстрые воды которого, казалось, несли в пруд спутанные гривы донной травы. Браш лег на берегу пруда лицом вниз и воззрился на воду. Мимо, меняясь местами, проплыли две водяные змеи. На середине пруда черепаха с двумя детенышами на панцире взбиралась на гнилую доску. За ней последовало еще несколько тварей; устроившись на доске, они чуть втянули головы внутрь и закрыли глаза. Птичьи крики обещали жаркий день.

Браш пришел поразмышлять. Это был его двадцать тре-

тий день рождения, а дни рождения были для него событиями торжественными. Ровно два года назад в такой же день он выбрался из раскачивающегося гамака на крыльце отцовского дома, прошел через весь Ладдингтон, что в штате Мичиган, и предложил руку и сердце вдове, которая была на десять лет старше его. Вдова ему отказала, но он на всю жизнь запомнил и радостное возбуждение, связанное с этим поступком, и взгляд вдовы, которая вытирала передником мокрые руки, пока ее дети ползали по полу, пытаясь развязать шнурки его ботинок. Год спустя он провел весь вечер в публичной библиотеке города Эбайлина, штат Техас, за чтением статьи о Наполеоне в «Британской энциклопедии». Закончив читать, он вынул из кармана карандаш, написал на полях: «Я тоже великий человек, но только в добрых делах», – и поставил свои инициалы. Лоб его покрылся испариной.

И теперь, в день своего двадцатитрехлетия, у пруда неподалеку от Веллингтона, штат Оклахома, он готовился с самоанализу и самооценке. В то утро он принял превосходнейшие решения. Грядущий год будет великим. Никогда не забыть ему торжественности того часа, к концу которого он, правда так и не позавтракав, заснул.

Одно из решений, принятое у пруда в Веллингтоне, привело Браша в полдень того же дня в Армину: он проехал сорок миль, чтобы взять из местного банка все свои хранившиеся там сбережения. Банк представлял собой одну большую комнату, высокую и хорошо освещенную, с выгородкой

посередине, сделанной из мрамора и сверкающих стальных решеток. Недалеко от входа в маленьком пенальчике сидел президент и предавался отчаянию. Если не произойдет чуда, его банку оставалось жить не больше недели. Банки лопались как мыльные пузыри по всем соседним штатам, и даже этот банк, всегда казавшийся ему вечным, вскоре должен будет закрыть двери.

Браш бросил взгляд на президента, но, поборов в себе желание поговорить с ним, направился к окошечку, вынул свою чековую книжку и вырвал из нее листочек. Наклонившись к окошку, он сказал кассиру:

– Я закрываю счет. Я забираю все, кроме процентов.

– Простите?

– Я забираю деньги, – повторил он так громко, будто кассир был глухим, – но проценты оставляю.

Кассир растерянно поморгал, а потом принялся перекладывать деньги. Наконец он сказал тихим голосом:

– Не думаю, что мы сможем сохранить ваш счет на столь малую сумму.

– Вы не поняли. Процентную прибыль я оставляю не на счете. Она мне не нужна. Я возвращаю ее банку. Я не верю в проценты с капитала.

Кассир начал беспомощно озираться по сторонам. Он отсчитал обе суммы и протянул их через решетку, бормоча себе под нос:

– ...банк ...не место швыряться деньгами.

Браш взял пятьсот долларов, а остальные отодвинул от себя. Очень громко, так, что его было слышно по всему залу, сказал:

– Я не верю в проценты с капитала.

Кассир подбежал к президенту и зашептал ему на ухо. Президент вскочил на ноги в таком волнении, будто ему сказали, что в хранилище проник вор. Он поспешил к выходу и успел остановить там Браша:

– Мистер Браш.

– Да.

– Могу я поговорить с вами, мистер Браш? Зайдемте на минуточку ко мне.

– Разумеется, – сказал Браш и последовал за президентом через низкие воротца в его пенальчик.

У мистера Саутуика была большая баранья голова, к которой он постоянно и суетливо прилаживал очки или пенсне на черной сатиновой ленте. Профессиональное достоинство президента подчеркивалось громадным животом, затянутым в синюю саржу и подпоясанным золотой цепью. Браш и кассир сели по разные стороны от этого монумента, взволнованно глядя друг на друга.

– М-м-м... м-м-м... вы решили взять свои сбережения, мистер Браш? – спросил президент мягко, словно речь шла о каком-то интимном гигиеническом вопросе.

– Да, мистер Саутуик, – ответил Браш, прочитав имя президента на табличке, стоящей на столе.

– ...и оставить проценты в банке?

– Да.

– Что бы вы хотели, чтобы мы с ними сделали?

– Я не вправе диктовать. Деньги не мои. Я их не заработал.

– Но это ваши деньги, мистер Браш... Я прошу прощения... ваши деньги заработали их.

– Я не думаю, что деньги имеют право зарабатывать деньги.

Мистер Саутуик сглотнул. Затем с тем же выражением, с каким он однажды объяснял своей дочери, что земля круглая, сказал:

– Но деньги, которые вы поместили в наш банк... эти деньги зарабатывали деньги для нас. Проценты есть не что иное, как прибыль, которую мы делим с вами.

– Я не верю в такую прибыль.

Мистер Саутуик накренил свой стул и задал еще один вопрос:

– М-м-м... м-м-м... Могу я спросить у вас, почему вы выбрали именно это время, чтобы снять деньги со счета?

– С удовольствием отвечу на этот вопрос, мистер Саутуик. Видите ли, в последнее время я много размышлял о деньгах и банках. Я еще не до конца продумал всю проблему – придется отложить это до моего отпуска в ноябре, – но я по крайней мере понял, что накопление денег – не для меня. До сих пор я считал, что какую-то сумму – допустим, пятьсот долларов – можно отложить на случай старости, опера-

ции аппендикса, неожиданной женитьбы, короче, как люди говорят, на черный день! Но теперь я вижу, что ошибался. Я принял обет, мистер Саутуик; я принял обет Добровольной Бедности.

– Чего, простите? – переспросил мистер Саутуик, выкатив глаза.

– Добровольной Бедности, как Ганди. Вообще-то я более или менее всегда следовал этому принципу. Главное – не откладывать денег, нигде. Понимаете?

Мистер Саутуик вытер лоб.

– Когда я получал очередную зарплату, – продолжал Браш чистосердечно, – я тут же избавлялся от оставшихся с прошлого месяца денег, но в глубине души я всегда знал, что это не совсем честно. По отношению к самому себе – я-то ведь знал, что в вашем банке у меня лежат пятьсот долларов. Но с этого момента, мистер Саутуик, я более не нуждаюсь в банках. То, что я хранил деньги у вас, – явный признак страха.

– Страх! – вскричал мистер Саутуик и так хлопнул по колокольчику, лежащему на столе, что он свалился на пол.

– Да, – сказал Браш, голос которого повышался вместе с уверенностью в правоте своего дела. – Никто из хранящих деньги в банке не может быть счастлив. Люди прячут деньги в вашем банке только потому, что боятся черного дня. Они боятся, как говорится, самого худшего. Мистер Саутуик, вы верите в Бога?

Мистер Саутуик был старостой Первой пресвитерианской

церкви и в течение последних двадцати лет хранителем красной бархатной сумы для сбора пожертвований, но, услышав вопрос, он дернулся, словно его с силой ударили под ребра. К нему подошел служащий банка.

– Идите на перекресток и срочно приведите мистера Гогарти, – хрипло приказал президент. – Ступайте.

– Тогда вы понимаете, о чем я говорю, – продолжал Браш. Его голос теперь был слышен по всему залу. Служащие банка и клиенты побросали свои дела и внимательно прислушивались. – У хорошего человека нет черных дней. Ему нечего бояться. Откладывать деньги – значит бояться, а один страх порождает другой, тот, в свою очередь, – третий. Ни один вкладчик банка не может быть счастлив. Я удивляюсь, как ваши клиенты, мистер Саутуик, могут вообще спать по ночам. Они, видимо, лежат без сна и со страхом думают, что будет с ними, когда они состарятся, заболеют или когда лопнет банк...

– Прекратите! Прекратите сейчас же! – закричал мистер Саутуик, побагровев. В зал вошел полицейский. – Арестуйте этого человека, мистер Гогарти. Он нарушает порядок. Уведите его отсюда немедленно.

Браш повернулся к полицейскому.

– К вашим услугам, – сказал он. – Что я такого сделал? Я ничего не сделал. Я все расскажу судье. Я повторю каждому то, что говорил здесь.

– Пошли. Не дергайся.

– Вам нет нужды пихать меня, – сказал Браш. – Я сам с радостью пойду.

Его отвели в тюрьму.

– Меня зовут Джордж Марвин Браш, – сказал он, хватая руку начальника тюрьмы.

– Убери свою грязную лапу, – сказал начальник тюрьмы. – Джерри, сними у него отпечатки пальцев.

Браша привели в другую комнату, где снимали отпечатки пальцев и фотографировали.

– Меня зовут Джордж Марвин Браш, – сказал он, протягивая фотографию руку.

– Как дела? – спросил фотограф. – Рад познакомиться. Меня зовут Бохардас.

– Простите, не расслышал, – вежливо сказал Браш.

– Бохардас... Джерри Бохардас.

Джерри Бохардас был добродушный отставной полицейский, несколько сонный и медлительный. Седая прядь волос спадала ему на глаз.

– Будьте добры, встаньте рядом вот с этим стеклянным столом, – сказал он. – Хороша погодка сегодня.

– Прекрасная, – сказал Браш. – На улице превосходно.

– А теперь, мистер Браш, прижмите вашу ладонь вот к этому листу бумаги, пожалуйста. Ладненько. Очень хорошо. Очень. – Понизив голос, он добавил доверительно: – Не переживайте, мистер Браш. Это пустая формальность. Ничего серьезного. Эти отпечатки посылают в Вашингтон, где хра-

нится еще восемьдесят пять тысяч таких же – некоторые сняты с шерифов и мэров, сэр, вот так-то! Не удивлюсь, если и парочка сенаторов туда попала. А теперь другую руку, дружище. Вот и ладненько. Так вы что, в первый раз?

– Да, – сказал Браш. – В другом городе, где меня арестовали, отпечатки пальцев никого не интересовали.

– Может, у них аппарата нет, – ответил Бохардас, самодовольно постучав костяшками пальцев по стеклянному столу. – Мы заплатили две тыщи долларов за эту штуковину – высший класс!

Браш внимательно осмотрел получившиеся отпечатки.

– Вот этот большой палец получился нечетко, мистер Бохардас, – сказал он. – Давайте лучше перделаем.

– Нет, все четко. У вас прекрасный большой палец. Видите спирали?

– Да.

– Лучше спиралей я в жизни не видел! Кое-кто говорит, что по ним можно все узнать о характере человека.

– Неужели?

– Говорят. А теперь давайте сделаем фотоснимок. Будьте добры, встаньте так, чтобы ваша голова оказалась вот в этой раме. Ладненько... А с отпечатками пальцев забавная штука получается, – продолжал Бохардас, прилаживая табличку с цифрами на груди Браша. – Если бы их был триллион триллионов, то все равно двух одинаковых не нашлось бы.

– Какая прелесть! – откликнулся Браш, перейдя на благо-

говейный шепот. Бохардас скрылся под черным куском материи. – Может, мне улыбнуться? – предложил Браш.

– Нет, – ответил Бохардас, появляясь из-под покрывала и возясь с объективом. – Здесь улыбок на фотографиях не требуется.

– Я думаю, мистер Бохардас, что вы за свою жизнь повидали немало преступников?

– Я? Разумеется. Я описывал по методу Бертильона¹ убийцу собственных родителей, отравителей жен и тех, кто плевал на американский флаг. Вы не поверите! Чего я только не рассмотрел. А теперь мы вас снимем в профиль, мистер Браун. Ладненько. – Он подошел к Брашу, повернул его голову и деликатно поинтересовался: – Могу я спросить, что вы такого, по их мнению, сделали, мистер Браун?

– Я ничего не сделал. Только сказал президенту банка, что банки аморальны, и меня за это арестовали.

– Это же надо. Повыше подбородок, мистер Браун.

– Меня зовут не Браун, а Браш – Джордж Марвин Браш.

– Ах, извините... Хотя что такое имя?.. Так, теперь, я думаю, у нас получатся прекрасные снимки.

– А вы не продаете эти фотографии, мистер Бохардас?

– Думаю, это запрещено. Да и охотников на эти фотографии, видимо, не найдется.

¹ Существовавший в начале XX века метод судебной идентификации людей французского юриста А. Бертильона (1853 – 1914), вытесненный впоследствии дактилоскопией.

– А я бы не отказался купить несколько штук. Более двух лет не фотографировался. Матери надо послать.

Бохардас злобно уставился на Браша.

– Нет ничего остроумного в насмешках над моей работой, мистер Браун, мне это не нравится. За пятнадцать лет никто не позволял себе здесь издевок, даже убийцы.

– Уверяю вас, мистер Бохардас, – сказал Браш, краснея, – я и не думал насмеяться над вами! Я заметил, что вы хорошо фотографируете, вот и все.

Бохардас обиженно замолчал и, когда Браша уводили, не ответил на его «до свидания». В кабинете начальника тюрьмы, куда ввели Браша, шел оживленный разговор между шефом полиции, мистером Саутуиком и другими отцами города. Браш сразу же направился к мистеру Саутуику.

– Я так и не могу понять, что плохого вы нашли в моих словах. Я не могу приносить извинения, мистер Саутуик, за ошибки, которые не сознаю. Допускаю, что вам не понравилось мое нелестное мнение о банковском деле, но за это меня нельзя сажать в тюрьму, и мнение свое на этот счет я менять не стану. Во всяком случае, я прошу честного суда, на котором все за полчаса выяснится. Смею надеяться, что зал суда будет заполнен до отказа – во времена депрессии как можно больше людей должны знать, что думал о деньгах Ганди.

Шеф полиции подошел к нему с угрожающим видом.

– Перестаньте молоть вздор! – сказал он. – Сейчас же прекратите. Что это с вами! – Он повернулся к своим собесед-

никам. – Джерри считает, что у него не все дома. Может, послать его в Монктаун на психиатрическую экспертизу? Как ты считаешь, парень? Что с тобой? Рехнулся?

– Нет, – закричал Браш, – и мне это уже надоело. Вы сами прекрасно видите, что я не сумасшедший. Давайте проверим по любому из старых тестов: на запоминание дат, на знание истории, Библии. Я – американский гражданин в здравом уме и памяти, и любой, кто еще посмеет обозвать меня сумасшедшим, ответит за это, хотя я и противник насилия. Я сказал мистеру Саутуику, что его банк, как и любой другой, – шаткое вместилище страха и трусости...

– Ладно, заткнись, хватит, – сказал шеф полиции. – Слушай внимательно, Браш, если через час ты не уберешься из этого города, мы оденем тебя в смирительную рубашку и отправим на полгода куда-нибудь подальше для проверки душевного здоровья. Дошло?

– Я бы с удовольствием прошел проверку, – сказал Браш, – но я не могу тратить на это полгода.

– Гогарти, – сказал шеф полиции, – проводи его до вокзала.

Гогарти был высокий мужчина с большой костистой нижней челюстью и бледно-голубыми глазами.

– Чтоб без шума, парень, понял? – предупредил Гогарти.

– Зачем мне шуметь? – отозвался Браш.

Когда они прошли в молчании несколько кварталов, Гогарти остановился, повернулся к Брашу и, ткнув указатель-

ным пальцем в лацкан его пиджака, доверительно спросил:
– Послушай, парень, откуда ты узнал, что «Мариана сейвингз» затрещал по швам? Тебе кто сказал?

– Я имел в виду не только этот банк. Я имел в виду все банки.

Ответ не удовлетворил Гогарти. Погрузившись в свои мысли, он продолжал поглядывать на Браша поверх очков. Потом отвернулся и посмотрел вдаль.

– Кажется, у банка собралось много народу, – сказал он. Неожиданно лицо его приняло решительное выражение. – Не отставай, парень, – сказал он и бросился в дом, около которого они стояли. В доме женщина мыла посуду. – Миссис Коулз, – сказал Гогарти сурово, – как констебль этого города, я вынужден воспользоваться вашим телефоном.

– О чем речь, мистер Гогарти! – взволнованно сказала миссис Коулз.

– И я должен вас просить выйти на крыльцо, пока я буду говорить.

Миссис Коулз послушно вышла. Когда Гогарти соединили с абонентом, он сказал в трубку:

– Одевайся, Мери. Делай, что я тебе велю. Иди в город и сними с нашего счета все деньги до последнего цента. Шевелись. У тебя всего полчаса. И никому ни слова.

Гогарти с Брашем ушли, что позволило миссис Коулз вернуться к своим занятиям. Снова оглядев улицу, констебль решил, что здесь он нужнее, и отпустил Браша на вокзал од-

ного.

* * *

Придя домой, мистер Саутуик лег на постель в затемненной комнате. Когда он время от времени стонал, к постели на цыпочках приближалась жена, меняла мокрое полотенце у него на лбу и шептала:

– Ш-ш-ш, Тимоти! Не стоит беспокоиться, дорогой. Поспи немного. Ш-ш-ш!

Глава II

Оклахома-Сити. В основном разговоры. Приключение в сарае. Марджи Маккой дает совет

Браш приехал в гостиницу «Макгроу-хаус» вечером того же дня. На следующее утро он уже впрягся в работу. Посетил уйму всевозможных инспекторов, директоров и деканов. Съездил в исправительную колонию, где, уступая настоянию педагогов, выступил перед общим собранием воспитанников.

В восемь часов вечера он постучал в дверь номера Блджеттов. Было слышно, как за дверью обменялись несколькими репликами на повышенных тонах, а затем Блджетт вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

– Слушай, Браш, – сказал он, – сегодня такая история. Прошу тебя, будь поосторожнее. Ты знаешь, у моей кузины нервишки разгулялись. Не касайся вещей, которые огорчают ее. Уловил?

– Хорошо. Постараюсь.

– Д-д-да... На нее много свалилось в последнее время. В прошлом месяце она развелась, а ты ведь знаешь, каково...

– Она... разведенная женщина? – спросил Браш тихо.

– Да, да. Ты все понял! – И Блджетт заговорщицки подмигнул ему. Потом открыл дверь и проговорил с нервной

сердечностью: — Ты посмотри, Мардж, кто к нам пришел.

Марджи Маккой сидела на кровати с кислым выражением лица, опираясь на железную спинку и положив ноги на газету. В одной руке она держала высокий бокал, в другой — сигарету. На приветствие Браша она ответила едва заметным движением глаз, не отрывая остервенелого взгляда от стены перед собой.

Беседа складывалась тяжело. Браш говорил осторожно, поскольку не знал, какие темы могут огорчить женщину, только что пережившую ужасную процедуру развода. Промучившись минут сорок, он встал, чтобы откланяться.

— Спасибо большое за приглашение, — сказал он, пятась к выходу. — Я, пожалуй, пойду. Надо еще отчеты написать и...

К удивлению обоих мужчин, миссис Маккой заговорила.

— Что за спешка? Что за спешка? — спросила она раздраженно. — Садитесь. Вы еще и не курите? Понятно, что вы чувствуете себя идиотом, сидя вот так и разговаривая. Ремус, дай ему пива. Боже, пусть он хоть чем-нибудь займет руки!

Беседа возобновилась. Браш упомянул о том, что со времени их последней встречи его арестовали и заключили в тюрьму. Его попросили рассказать подробности, и вскоре он уже живо описывал свою беседу с мистером Саутуиком. Потом он изложил им теорию Добровольной Бедности. Теперь миссис Маккой смотрела на него изумленными глазами. В конце рассказа с губ обоих слушателей был готов сорваться

один и тот же вопрос.

– Что вы будете делать, если потеряете работу? – спросили они.

– Точно не знаю. Никогда серьезно не думал об этом. Думаю, подыщу себе чего-нибудь. Однако что-то непохоже, что меня уволят. Я все время получаю прибавки к зарплате. Они меня даже нервируют.

– Прибавки вас нервируют? – спросила миссис Маккой.

– Да.

– А что вы будете делать, если заболете? – спросила она.

– А что вы собираетесь делать, когда состаритесь? – спросил Блджетт.

– Я вам уже объяснял это, – ответил он.

Миссис Маккой опустила ноги на пол и, уперев руки в бока, наклонилась вперед.

– Послушай, крошка, – сказала она. – Дай мне посмотреть на тебя. Ты что, смеешься надо мной?

– Что вы, миссис Маккой! Я совсем не смеюсь.

Она с мрачным выражением лица села на кровать в прежнее положение.

– Тут что-то не так, – пробормотала она, недоверчиво глядя в свой бокал.

– Приятель, – сказал Блджетт, – почему ты сказал, что тебя нервируют прибавки к зарплате?

– Потому что сейчас почти никто не получает прибавок. Я считаю, что от депрессии все должны страдать в равной

мере. Понимаете?

Миссис Маккой сухо заметила:

– Понимаю. Вы думаете не как все люди, согласны?

– Да, – сказал Браш, – не как все. Не для того я учился четыре года в колледже и пережил трудное религиозное обращение, чтобы думать как все.

– Понятно... А скажите мне теперь вот что: когда вы женитесь, чем вы замените деньги?

– Извините, не понял.

– Откуда вы знаете, что ваша жена захочет каждый месяц выбрасывать все оставшиеся деньги? Откуда вы знаете, что она, подобно вам, будет с восторгом ожидать приюта для бедняков?

– О, я знаю, – сказал Браш.

– Значит, вы помолвлены? – спросил Блоджетт.

– Я... я практически помолвлен. Видите ли... на самом деле я не знаю, помолвлен я или нет.

– А она... она симпатичная девушка?

– Этого я тоже не знаю, во всяком случае, наверняка. – Браш бросил взгляд на Блоджетта. – Лучше не стоит об этом говорить, – сказал он. – Это часть той большой ошибки, которую я совершил. Вы сказали, чтобы сегодня вечером я не касался таких тем.

– Я теперь все что угодно выдержу, – сказала миссис Маккой. – После теории большой бедности я выдержу что угодно. Вчерашнее утро совсем другое дело. Я не могла терпеть

это на пустой желудок, вот и все. Рассказывайте, что с вами стряслось.

Браш снова взглянул на Блоджетта.

– Конечно, – сказал Блоджетт. – Валяй.

– Это весьма интимная история, чтобы рассказывать ее людям... с которыми знаком недолго. Но я очень нуждаюсь в совете. И прежде чем начать, я должен объяснить, как я вообще отношусь к женщинам.

– Минутку, приятель, – сказал Блоджетт, откусывая кончик сигары. – Ты уверена, что выдержишь, сестра?

– Я уже сказала, что все выдержу.

Браш удивленно вскинул брови.

– Ничего особенно трудного вам выдерживать не придется. Я просто хочу, чтобы вы знали, что до того случая я везде искал себе жену. Действительно везде. Почти ни о чем другом я тогда и думать не мог. Мне двадцать три года... вообще-то вчера, когда мы познакомились, был как раз мой день рождения.

– Очень хорошо, – сказал Блоджетт, – поздравляем.

– Большое спасибо... и мне бы уже давно пора было обзавестись семьей...

– Понимаю.

– ... и создать американский дом.

– Что?

Браш доверчиво наклонился вперед.

– Вы знаете, что я считаю самой прекрасной вещью на све-

те? Это когда мужчина – американец, конечно – садится за воскресный обед в окружении жены и шестерых детей. Понимаете, что я имею в виду?

– Шестерых?

– Да, и чем больше, тем лучше... Вот чего я больше всего хотел, поэтому и искал везде себе жену. И порой даже думал, что нашел ее. К примеру, однажды я пел в церкви... я вам еще, кажется, не говорил, что у меня очень хороший голос, тенор...

– Нет.

– Так вот, говорю. Поэтому, когда я приезжаю в город, где мне предстоит провести воскресенье, я иду к священнику и предлагаю ему свои услуги на время воскресной службы. Пение в церкви воодушевляет. И однажды, когда я пел, среди паствы заметил девушку, показавшуюся мне верхом совершенства. Я пел «Утерянное согласие» и, когда дошел до той части, где требуется петь *forte*², можете представить, сколько сил я вложил в это. После службы ко мне подходили прихожане и наперебой приглашали к себе на обед. Так всегда бывает. Подошел и отец этой девушки и тоже пригласил меня. Весь обед я просидел рядом с ней, думая, что прекраснее девушки в жизни своей не встречал, хотя она за все время почти ни одного слова не проронила. Но меня постоянно глодала мысль, а вдруг сейчас произойдет что-то нехорошее. Я подвел разговор к эволюции и выяснил, что тут все было в

² Forte – громко, сильно (*um.*).

порядке – их семья не верила во всю эту чепуху с обезьянами... Вы, наверное, уже догадались, что было дальше.

– Нет, – сказал Блоджетт. – Откуда мне знать?

– Мы сидели все вместе после обеда, и вдруг она просит у брата сигарету.

– Не может быть!

– Ее мать огорчилась, о чем ей и сказала, но ее, похоже, это не особенно трогало. Наверное, при таком госте, как я, ей хотелось пустить пыль в глаза, показать, что она не какая-то там деревенская девчонка. Это случилось в Салфур-Фоллз, штат Арканзас. И теперь стоит мне услышать о Салфур-Фоллз, у меня начинает странно так сосать под ложечкой.

– Вот история так история, – сказал Блоджетт. – Верно, Марджи?

– Она когда-нибудь узнала, что потеряла в жизни? – спросила миссис Маккой.

Браш улыбнулся.

– Она не только меня потеряла, миссис Маккой, – сказал он.

Блоджетт торопливо вмешался:

– Вам когда-нибудь запрещали петь в церкви?

– Иногда мне устраивали проверку, но после первых же нот все улаживалось.

– Вы могли бы прилично заработать таким образом.

– Нет, я не могу брать за это деньги. Однажды в Плате, штат Миссури, ко мне подошел человек и предложил две-

сти долларов за выступление на собрании «Ордена Лосей»³ в Сент-Луисе, но я не смог. Я бы спел для них бесплатно, только маршрут мой в то время проходил далеко от Сент-Луиса. На этот счет у меня тоже есть теория. Такой голос, как у меня, – дар Божий. И никакой моей заслуги в этом нет. Это природный дар, как и любой другой. Ниагарский водопад, кентуккийские пещеры и Джон Маккормак⁴ дарованы всему нашему обществу. Это как красивая внешность, которая радует всех. Как сила. Меня ею Бог тоже, кстати, не обидел. Я могу целый день помогать вам носить чемоданы или двигать рояль и денег за это не возьму. Вам понятно?

– Да, – сказала миссис Маккой, – мне кое-что понятно. Только когда же вы все-таки начнете рассказывать ту, главную историю?

– Тяжело ее рассказывать. Это случилось в каникулы перед выпускным курсом, когда я учился в колледже...

– Каком колледже? – спросил Блоджетт.

– Баптистском колледже в Шайло, штат Южная Дакота, очень хороший колледж... Каждое лето я путешествовал по Миссури, Иллинойсу и Огайо, продавал «Детскую энциклопедию». Из города в город я ходил пешком или ездил на попутных машинах. И однажды я заблудился. Я был, види-

³ «Орден Лосей» – престижный клуб американских бизнесменов с филиалами во многих городах США.

⁴ Маккормак, Джон (1884 – 1945) – американский певец, тенор, славился исполнением ирландских песен.

мо, где-то в двадцати милях к юго-востоку от Канзас-Сити. Стемнело, пошел дождь. Я зашел в фермерский дом и попросил разрешения переночевать в сарае. Фермер и его жена пригласили меня на кухню и угостили кофе с бутербродами. Они оказались методистами, в доме были еще три или четыре красивые девушки, их дочери; хорошо я их не мог разглядеть, поскольку близко к свету они не подходили. Но я все же заметил, что все они были очень красивые. Я решил про себя, что утром хорошо все осматрю и запомню, а потом обязательно вернусь сюда. Я поблагодарил хозяев, пожелал им доброй ночи и ушел в сарай спать. – Здесь Браш вынул носовой платок и вытер лоб. – Сейчас начнется весьма деликатная часть, – сказал он, – и мне бы не хотелось оскорбить ваши чувства, но, насколько я понимаю, вы оба знакомы с интимной жизнью по личному опыту.

– Да, – сказал Блджетт, – мы знаем худшее.

– Я проснулся в крошечной темноте от женского смеха; девушка то смеялась, то плакала. Она спросила, не хочу ли я есть. Ну, я всегда готов есть!..

– Хотите яблоко? – спросила миссис Маккой.

– Нет, спасибо, не сейчас... – Мы долго говорили. Она пожаловалась, что ей плохо живется на ферме. Я спросил, как ее зовут, и она ответила: «Роберта». Во всяком случае, звучало как Роберта. А это важно, вдруг она была Берта? А однажды в газете я встретил женское имя Герта. Наверняка какое-то из этих трех имен.

– А какая разница, как ее звали? – закричала миссис Маккой.

– Скоро увидите... Как бы то ни было, она заплакала, и я попытался успокоить ее. И тут я решил, что женюсь на ней.

Наступило молчание; кухня и кузен смотрели на Браша вопросительно.

Он повторил с выражением:

– И тут я решил, что женюсь на ней.

Блуджетт наклонился вперед и спросил тихим, сдавленным голосом:

– Ты обесчестил девушку?

Браш, побледнев, кивнул.

– Дай ему выпить! – взвизгнула миссис Маккой. – Дай ему выпить, ради Бога!

– Я не пью, – сказал Браш.

– Ремус, дай ему что-нибудь выпить, – кричала она все пронзительнее. – Он должен выпить. Не выношу, когда кто-то ведет себя как большой ребенок. Выпей сейчас же и перестань корчить из себя дурака.

Браш взял стакан и сделал вид, что пригубил пиво. К его удивлению, он почувствовал на губах слабый сладковатый привкус.

– Не тяните кота за хвост, – сказала миссис Маккой. – Чем все кончилось?

– Это, пожалуй, все, – продолжал он. – Я хотел было сказать этой девушке, что я завтра вернусь и женюсь на ней,

но она убежала в дом. Тогда я выбрался под дождем на дорогу и шел всю ночь. Я шел час за часом, обдумывая, что я скажу ее отцу и все такое. Но дело в том, что потом я не смог найти этот дом. Я десятки раз обошел все дороги с этой стороны Канзас-Сити. Я спрашивал у каждого о ферме методистов, что живут с дочерьми. Я поговорил со всеми почтальонами в округе, но все было напрасно. Теперь вы знаете, почему я не могу стать священником.

Все молчали.

– Так ты любишь девчонку? – спросил Блоджетт.

Брашу вопрос не понравился.

– Это совсем не важно, люблю я ее или нет, – сказал он. –

Важно то, что я ее муж до гробовой доски. Когда двое людей так близки, как мы с ней, то ни один из них не может сблизиться с кем-то другим, прежде чем один из супругов не умрет.

Миссис Маккой свесилась с кровати и мстительно заглянула в его стакан.

– Вы не пьете! – закричала она. – Пейте. Не тяните. Пейте.

– Я не пью, миссис Маккой.

– Мне плевать, пьешь ты или нет. Кому говорю, пей.

Блоджетта испугала ее настойчивость. Он поднял бровь, делая знак Брашу, который выпил еще один глоток. Миссис Маккой угрожающе наблюдала за ним. Потом снова опустила ноги на пол, не меняя хмурого выражения лица, и медленно спросила:

– Хотите совет?

– Да, хочу.

– Ха-ха, я вас спрашиваю: хотите совет?

– Да.

– Чей? Мой?

– Да.

– Тогда слушайте! Внимательно! Поскольку вы сделали все возможное, поскольку вы не смогли найти девушку, поскольку девушка сама пришла к вам – так? – поскольку все обстоит так, как я сказала, забудьте об этом. Вы чисты. Вы свободны. Начните все снова. С самого начала.

– Я не могу. Вы что, не понимаете, что я уже женат?

– Что вы несете? Вы не женаты. У вас нет свидетельства о браке. Вы не женаты.

– Миссис Маккой, когда вы говорите, что я не женат, вы просто играете словами, потому как на самом деле я женат.

Миссис Маккой гневно взглянула на него и, качая головой, вернулась в прежнее положение на кровати.

Браш продолжал, не поднимая глаз:

– Во всяком случае, для меня здесь все ясно. И возможно, это значит, что мне не обзавестись семьей и американским домом. Иногда я боюсь: вдруг меня охватит такое уныние, что я заболею или еще хуже. Ведь болезнь – это и есть уныние. На этот счет у меня тоже есть теория. В соответствии с моей теорией всякая болезнь начинается, когда человек теряет надежду. Если человек обнаруживает, что он не такой

хороший, как ему казалось, – в работе или в чем еще – или если он сделал ошибку и не может ее исправить, он постепенно заболевает. И на самом деле хочет умереть. Он уже не ждет завтрашнего восхода солнца. Он думает, что хочет жить, а в глубине души – нет. Я, пожалуй, обдумаю это по-лучше в ноябре, когда у меня будет отпуск. А пока у меня есть прекрасный пример. Взгляните на меня: я так переживаю случившееся, что прошлой весной заболел гриппом. Я ведь до этого ни разу не болел. И еще одно – вы уж меня простите, – я никогда не употреблял слабительных, а теперь все время беру слабительные. Я точно знаю, с чем это связано. Я не хочу жить, пока не обзаведусь семьей и американским...

В этот момент не выдержала Марджи Маккой:

– Заставь его заткнуться. Черт возьми, сколько можно? Сколько можно говорить об одном и том же? Смени пластинку. Иначе я чокнусь... Эй вы, выпейте-ка еще. Н-е-ет! Пейте по-настоящему, а не мочите губы.

Браш сделал еще один глоток и поднялся на ноги.

– Думаю, мне пора, – сказал он. – Завтра я уезжаю в лагерь Моргана двухчасовым поездом. Спасибо за приглашение и за прием.

Он стоял истуканом в центре комнаты, дожидаясь, пока она подаст ему руку для прощания. Она встала и пошла к двери, виляя бедрами. Около двери она остановилась и оперлась спиной о стену. Оба мужчины смотрели на нее с тревогой.

– А теперь слушай. Слушай меня! – сказала она выразительно. – Меня тошнит от тебя. Где ты набрался всех этих теорий и идей? Плюнь. Живи, малыш, – живи! Что бы стало со всеми нами, сукиными детьми, если бы мы начали обсуждать каждый свой шаг?! Смотри на вещи проще.

Глядя на нее насупленно, Браш тихо произнес:

– Мне кажется, я живу.

К удивлению обоих мужчин, она положила руку ему на плечо.

– Я хочу сказать: смотри вокруг себя. Вскоре мы все умрем. Думай не думай – все одно. От размышлений только еще больше тоска берет.

– Меня тоска, когда я думаю, не берет, – сказал он.

Миссис Маккой раздраженно отвернулась и прикурила очередную сигарету.

– Иди к черту! – сказала она.

Блоджетт проводил Браша в коридор.

– Я ожидал, что она хоть за руку со мной попрощается.

– Не берите в голову, – сказал Блоджетт смущенно. – Она всегда так себя ведет при первом знакомстве. Когда вы ее узнаете получше, сами убедитесь, что она совсем другая.

Браш медленно вернулся к себе в номер. Прежде чем начать собирать вещи, он постоял у окна, глядя на дождь.

– Я слишком много болтаю, – произнес он шепотом. – Надо следить за собой. Я чертовски много болтаю.

Глава III

Веселая жизнь в лагере Моргана. Кошмары Дика Робертса. Ужин с Миссисипи Кори

Поездку в лагерь Моргана Джордж Браш затеял, повинаясь телеграфному сообщению, полученному в Оклахома-Сити. Телеграмма была от издательского начальника и содержала такой текст: *Судья Озеро Морган Лагерь уладьте Гутенберг Альд Кэкстон Возьмите его в оборот Пределов нет Эйништейн.* Это послание не так сложно было понять, как может показаться с первого взгляда. Хауэллз, отправитель телеграммы, был добродушный человек и подписывал свои телеграммы первым пришедшим на ум неподходящим именем. *Судья Озеро Морган Лагерь* означало, что член палаты представителей Кори, унаследовавший от отца пост судьи, проводит выходные в лагере на озере Морган близ Морганвилла, штат Оклахома. Судья Кори был самым влиятельным членом комитета по вопросам образования в законодательном собрании штата, и выбор учебников для системы государственных школ всецело зависел от него. *Уладьте Гутенберг Альд Кэкстон* означало, что Браш должен убедить судью рекомендовать школам некоторые учебники издательства Колкинса. Имена великих первопечатников слу-

жили кодом для следующих учебников: Гуттенберг⁵ – для «Начального курса алгебры» Колкинса, Альд⁶ – для «Элементарного французского» мадемуазель Дефонтен, Кэкстон⁷ – для «Солдата Цезаря» профессора Грабба. *Возьмите его в оборот.* *Пределов нет* относилось к тщательно продуманной шутке, известной Хауэллзу и Брашу и покоящейся на неверном предположении о том, что члены палаты представителей могут брать взятки. Браша уполномочили предложить судье Кори место Почетного директора Лиги улучшения среднего образования. Этот пост давал обладателю семьсот долларов в год за так называемые специальные услуги. Шутка эта давно потеряла свежесть для Браша, но Хауэллз продолжал прибегать к ней из месяца в месяц. Хауэллз даже утверждал, что конкурирующее издательство широко пользовалось этим методом, предлагая некоторым законодателям место в консультативном совете Союза по вопросам образования граждан, которое приносит в год тысячу долларов. Браш знал, что издательство Колкинса не способно на подобные вещи, а кроме того, его никто никогда не учил, как начинать беседу, которая заканчивается предложением такой сделки. Как бы то ни было, он умел продавать учебни-

⁵ Гутенберг, Иоганн (ок. 1399 – 1468) – немецкий изобретатель книгопечатания.

⁶ Имеется в виду Мануций Альд Старший (ок. 1450 – 1515), венецианский издатель, ученый-гуманист.

⁷ Кэкстон, Уильям (1422 – 1491) – английский первопечатник.

ки миллионам школьников, не прибегая к таким средствам, и издательство высоко ценило его, несмотря на все странности.

Впрочем, его странности приносили издательству немало приятных минут. Финансовые отчеты Браша не имели равных за всю историю издательства. Браш вносил в них каждый истраченный цент и проявлял изощренную изобретательность, экономя деньги фирмы. Он не сомневался ни на миг, что его финансовые отчеты читает сам великий мистер Колкинс, и он в этом не ошибался. Мистер Колкинс не только читал их сам, но показывал дома жене и носил несколько дней с собой, чтобы познакомить с ними своих друзей по клубу. Отношения Браша и Хауэллза омрачало только одно обстоятельство. Браш не только ни в какую не хотел по воскресеньям устраивать деловые встречи со школьными администраторами, но и отказывался ездить в эти дни поездами и автобусами. В крайнем случае он соглашался ходить пешком или ездить на попутных машинах. Поездки на поездах по воскресеньям – это несоблюдение священного дня отдохновения, помеха для посещения церкви и препятствие для размышлений. Хауэллз пытался смутить Браша, указывая, что поезда по воскресеньям могут «везти сыновей и дочерей к постели неожиданно заболевшего родителя». Браш отвечал, что большинство родителей в таких случаях один день подождут.

Браш уехал из Оклахома-Сити и, пересаживаясь с поезда

на автобус, с автобуса на троллейбус, а с троллейбуса на такси, по весьма сложному маршруту пересек почти весь штат и прибыл в Морганвилл на следующий день. Во время путешествия он ни с кем не заговаривал о спасении души, но высказал греку, владельцу вагона-ресторана, соображения о пагубности богохульства, уговорил фермерского сынишку готовиться к поступлению в колледж, убедил хозяина гаража забрать к себе голодающую кошку и досконально «обдумал» проблему смертной казни и пожизненного заключения.

В Морганвилле он сел на автобус, увешанный китайскими фонариками и украшенный флагами с пожеланиями: «Счастливого отдыха в лагере Моргана». Устроившись на заднем сиденье, он заметил перед собой объявление: «Девушки, заводите знакомства. Лучшее место для этого – наш бал знакомств». Автобус ехал по сосновому лесу и сначала миновал группу женщин в шароварах, которых наставляли, как беречь природу, потом полуголых мужчин с выпученными глазами, которые, шатаясь, бежали, подгоняемые здоровенным тренером, а вернее, его палкой – он весело охаживал ею бегунов по голым пяткам. Дорога шла вдоль озера, усеянного точками каноэ и прогулочных лодок. В центре озера к выступающей из воды скале был привязан громадный воздушный шар с рекламой бензина. Браш сошел около административного здания и купил себе регистрационную карточку вместе с пригоршней билетов, купонов на жилье и

питание, а также приглашением на «Соперников»⁸, которых ставил драмкружок Арденской школы.

Его койка оказалась в шестиместной палатке «Феликс». Она принадлежала Оранжевым. В палатке его встретили радостно – на следующее утро Оранжевые должны были воевать с Синими, а Браш, судя по виду, мог один легко справиться с шестерыми. Браш безо всякого удовольствия погулял около спортивных площадок. Заметив приготовления к песенному вечеру у костра, на котором предполагалось выпекать пастилу, он нашел ответственного за развлечения и предложил свои услуги в качестве солиста, каковые и были приняты. Затем зашел к директору столовой и зарезервировал себе место за столом судьи Кори.

Вернувшись в свою палатку, Браш начал раскладывать вещи. Зубную щетку и бритвенные принадлежности положил на полочку, висевшую над кроватью. На соседней койке лежал мужчина лет сорока, приходивший в себя после занятий в группе желающих похудеть. Время от времени он открывал один глаз и наблюдал за Брашем. Наконец, он оторвал голову от подушки, опустил ноги на пол, сел с жалким видом на краешек кровати и обхватил голову руками.

Браш бросил на него изучающий взгляд.

– Вам плохо? – спросил он. – Переусердствовали?

– Нет, я чувствую себя нормально, – ответил мужчина.

⁸ «Соперники» (1775) – первая пьеса английского драматурга Р. Б. Шеридана (1751 – 1816).

Повисла тишина. Браш бросил на него еще один взгляд и увидел в глазах мужчины неуместную скорбь. Чтобы как-то прервать молчание, мужчина сказал: – Я не знаю, зачем сюда приехал. Лучше бы в конторе сидеть.

– Сегодня уже пятница, – заметил Браш. – Ведь в выходные работы в конторе нет?

– Нет, да и в другие дни тоже. Но у меня уже выработалась привычка. Я просто прихожу в контору и сижу. Я торгую недвижимостью, и, уж поверьте, каждый телефонный звонок доводит нас чуть ли не до сердечного приступа. Но все равно прихожу, сижу, слоняюсь без дела...

– По воскресеньям?

– Да, и по воскресеньям тоже. Больше делать все равно нечего.

Они снова замолчали. Браш, готовясь к ужину, начал надевать чистую сорочку.

– Жена притащила сюда. Говорит, ребятам полезно послушать лекции и побывать на представлениях. Полезно, говорит, концерты послушать, на представлениях побывать. Слушай, приятель, меня зовут Дик Робертс, я из Мейсика.

– Рад познакомиться. Меня зовут Джордж Марвин Браш. Коммивояжер, торгую школьными учебниками. Живу в Ладдингтоне, в штате Мичиган.

– Мичиган?... И как там идут дела?

– Неплохо... неплохо... – приговаривал Браш, завязывая галстук и с тревогой наблюдая в зеркало за лицом Роберт-

са. – Наши учебники хорошо продаются.

Робертс, поколебавшись, все же с трудом выдавил из себя:

– Браш... м-м-м... возможно, мне придется просить тебя об услуге.

– О чем речь! Что надо сделать?

– Может, и не потребуется, но на всякий случай. Видишь ли, ты спишь на соседней койке. Жена говорит, что я разговариваю во сне. Просто разбуди меня, если я вдруг начну.

– Если я правильно понял, вы храпите?

– Нет, я не храплю. Она говорит, что иногда я кричу. Не часто, но случается. Если я вдруг закричу ночью, просто ткни меня в бок, ладно?

– Конечно, обязательно.

– Я это так сказал... Впрочем, сон у меня все равно никудышный, – продолжал Робертс, глядя в пол. – Я не спал, как полагается, уже несколько недель. Поэтому я и принялся бегать с худеющими. Чтобы вымотать себя вконец.

Палатка «Феликс» стояла у дороги, которая вела через лагерь к озеру. Браш заметил на дороге женщину, кричавшую: «Эй, Дик! Дик Робертс!»

– Ваша жена зовет вас, – сказал он.

Робертс вышел к ней. Брашу было слышно, как она говорила:

– Лилиан собирается купаться и хочет, чтобы ты подстраховал ее в воде. Ты, правда, сейчас совсем измотан. Давай ближе к ужину, тебе это тоже будет полезно.

– Хорошо, я приду.

– Тебе там удобно, Дик? – спросила она, разглядывая палатку.

– Да, удобно. Все очень удобно, – сказал он и добавил: – Подожди минутку.

Робертс вернулся в палатку.

– Я хочу познакомить тебя с моей женой, если ты не занят, конечно, – сказал он.

– С удовольствием, – ответил Браш.

Миссис Робертс оказалась невысокой стройной женщиной, одновременно живой и застенчивой. После представления все трое медленно пошли вниз по склону холма. Миссис Робертс часто бросала озабоченные взгляды на лицо своего мужа. Он шел, уставившись в землю или разглядывая что-то на другом берегу озера.

– Здорово, что мы сюда приехали, – сказала миссис Робертс. – Дети просто счастливы. Ведут себя так естественно, словно провели здесь целое лето. Я надеюсь, что вы тоже хорошо здесь отдохнете и отвлечетесь от дел.

– Нет, – сказал Браш. – Я не люблю таких мест. Я приехал сюда по делу. У меня тут назначена встреча.

– Ах! – сказала миссис Робертс, бросив на него быстрый взгляд. – Надеюсь, мы еще увидимся с вами. А теперь, наверное, вам не терпится побеседовать с кем-нибудь из собравшихся здесь красивых девушек.

– Пойду надену пиджак, – сказал Робертс и ушел.

Браш продолжал медленно идти рядом с миссис Робертс. Она снова нервно заглянула ему в лицо и, остановившись, произнесла с видимым усилием:

– Раз уж вы оказались в одной палатке с моим мужем, мне кажется, я должна сказать вам кое-что.

– Я знаю. Он уже сказал мне.

– О своих кошмарах?

– Да.

– Может, этого и не случится. Но будет очень хорошо, если вы его в случае чего тут же разбудите. Боюсь, он чересчур переживает о своей работе. Сидит в своей конторе с утра до ночи и все думает. Вот почему я и приехала в лагерь Моргана – отвлечь его, а ведь это дорогое удовольствие. Ума не приложу, что делать, сил моих больше нет!

Здесь миссис Робертс начала лихорадочно рыться в сумочке, пытаясь найти носовой платок. Браш искоса посмотрел на ее руки – он был готов предложить ей свой платок, – потом вернулся к созерцанию озера.

– И вот еще что, – добавила миссис Робертс, – полтора месяца назад он пережил ужасное потрясение, после которого до сих пор не может прийти в себя. И совсем не исключено, что и об этом он тоже постоянно думает.

– Он что, попал в автомобильную аварию?

– Нет, дело в другом. Я расскажу вам, если вы... если вы никуда не спешите. Мы с мистером Робертсом как-то пошли в один из этих идиотских парков отдыха с аттракциона-

ми и решили покататься на русских горках. Мужчина, бывший с нами в одном вагончике, вывалился из него и разбился насмерть. Умирая, он пожелал продиктовать письмо своей семье в Форт-Уэйн, штат Индиана, и мистер Робертс, тоже член «Ордена Лосей», вызвался помочь ему. Ужасный случай. Этот мужчина – да простит меня Бог – был совершеннейший идиот, мистер Браш. Эдакий горлодер, любитель пускать пыль в глаза – я думаю, что и вывалился-то он, выпендриваясь перед молодыми девицами, которые катались вместе с нами. Мы с мистером Робертсом ненавидели его, шуткам его никто никогда не смеялся. Но чем противнее он становился для окружающих, тем больше выкомаривался. И когда мы неслись по повороту, он встал в вагончике во весь рост и сделал вид, что ныряет. И, как и следовало ожидать, вывалился-таки. Он упал прямо на балки или не знаю как там они еще называются. А пока лежал на земле до прихода машины «скорой помощи», все спрашивал: «Есть здесь кто из «Ордена Лосей»? Есть здесь кто из «Ордена Лосей»?» Видимо, хотел поговорить с кем-то из своего клуба, поэтому мистер Робертс и вызвался ему помочь. Этот случай произвел на него ужасное впечатление.

– Я с удовольствием присмотрю за ним ночью, миссис Робертс, – сказал Браш. – Он действительно выглядит не самым счастливым человеком.

Она повернулась к нему и заговорила с волнением:

– Вы знаете, это верно – он *не* счастлив. Видимо, мне не

следовало бы вам... молодому человеку... говорить такие вещи, но, мистер Браш, кажется, на прошлой неделе мой муж пытался наложить на себя руки.

– Вы уверены?

– Не уверена. Не уверена. Я никому об этом не говорила. Но однажды ночью я встала и... заметила свет в ванной, и он стоял там задумавшись... и такой взгляд был у него, мистер Браш, такой печальный взгляд. Когда он теперь кричит во сне, я думаю, он кричит об этом... В конторе работы больше нет, и он переживает за меня и детей. – Тут она неожиданно наклонила голову и зашептала страстно: – Я не боюсь бедности. Пусть мы будем последними бедняками, пусть мы будем жить на пособие, лишь бы он так не переживал.

– Вы должны сказать ему это, – предложил Браш.

– Не могу. Почему-то не могу. Он очень гордый. Он так мечтает о собственном доме в приличном районе. Он очень гордый. Иногда мне кажется, он думает, что депрессия – его личная вина. Он может убить себя ради страховки. Честное слово, может. Мне страшно думать об этом.

– Если не считать кошмаров, он спит хорошо?

– Я... я не знаю. Я по ночам прислушиваюсь к его дыханию, и порой мне кажется, что он притворяется, будто спит, лишь бы не волновать меня.

В этот момент на склоне холма появился совершенно мокрый девятилетний мальчик, который бежал вниз и кричал:

– Мама, я черепаху поймал. Я черепаху поймал, мама.

Смотри. – Заметив слезы на глазах матери, он поперхнулся словами. Переводя взгляд с матери на Браша и снова на мать, он наконец тихо продолжил: – Посмотри, мама, какую я черепаху поймал, видишь?

– Джордж, это мистер Браш. Он живет в той же палатке, что и вы с отцом. Поздоровайся, пожалуйста.

К ним подошла величественная женщина со значком на груди.

– Не забудьте, что завтра вечером костюмированный бал, – сказала она. – Маскарадный костюм можно сделать, добавив к обычному какие-нибудь оригинальные детали. Если у вас нет собственных идей, приходите к нам, и мы будем счастливы помочь вам советами и предложениями. Ах, какая прелестная черепашка! Какой счастливчик – поймал черепаху. Мистер Маклин занимается зоологией, он тебе все объяснит.

Она проследовала дальше. Браш сказал ей вдогонку:

– Кажется, я кое-что придумал.

– Тогда молчите. Никому не рассказывайте, ладно?

– Ладно, постараюсь.

Браш пошел в главное здание. На веранде большой краснойлицый человек что-то громко внушал смущенным детям.

– Здравствуйте, судья Кори, – сказал Браш.

– Ни с места! – закричал судья. – Я знаю ваше имя не хуже своего – не подсказывайте.

– Меня зовут Джордж Браш. Я приехал, чтобы догово-

ряться с вами о включении нескольких учебников Колкинса в рекомендательные школьные списки.

– Хорошо. Прекрасно. Всегда рад поработать для общего блага. Мы поговорим об этом после ужина.

Браш тут же начал расписывать достоинства своих книг, но судья стал явно скучать.

– Звучит убедительно, приятель. Хорошие учебники. Не хочу лишиться ни одного из них. Напишите мне письмо.

– Я написал вам уже три письма, судья.

– Хорошо. Значит, секретарь хранит их для меня... В каких штатах уже побывали, приятель? Только что были в Техасе? Как там Билл Уиндерштедт?.. С Биллом знакомы?.. Слушайте, Браш, я хочу вас познакомить со своей женой и дочерью. – Он огляделся. – Куда они подевались? Моя дочь Миссисипи здесь еще мало кого знает. Слушайте, у меня идея. За каким столом вы сидите? Молчите! Я скажу, чтобы вас посадили за наш стол. Они устраивают сегодня необычный ужин. Вам понравится. В этом лагере умеют такие вещи делать. Да, сэр, они стараются, чтобы каждый отдохнул хорошо. Стол М. Запомните: стол М.

– Спасибо, судья. С удовольствием поужинаю с вами.

Судья подошел ближе и сказал доверительным тоном:

– У меня есть еще одна идея. Что, если мы вдвоем отправимся в Морганвилл, в вокзальную гостиницу, около десяти, и сыграем партию в покер? Идет?

– Я не играю в азартные игры, судья.

– Ах вот как, не играете?

– Нет.

– По правде говоря, мне покер тоже надоел. Игра безобидная, но уж больно много времени сжирает. Понимаете, что я имею в виду?.. А вот мои жена и дочь. – Судья повернулся спиной к своему семейству, словно боялся, что они смогут разобрать его слова по движению губ, и зашептал: – Слушай, сынок, если ты здесь останешься на какое-то время, пригляди за моей дочкой. Она здесь почти никого не знает. Поплавай с ней в лодке полчаса... без грубостей, конечно... только полчаса.

Миссис Кори оказалась высокой чопорной женщиной с испуганным выражением лица; дочь была копией своей матери. Мать носила пенсне на длинной золотой цепочке; на Миссисипи были массивные очки с сильными линзами.

– Девочки, – сказал судья, – познакомьтесь с Джимом Бушем, замечательным парнем. Джим, это моя жена. Она прелесть, терпит меня уже тридцать лет. А это – Миссисипи, самая симпатичная, умная и скромная девушка в Оклахоме.

– Простите, я ваше имя не расслышала, – вежливо призналась Миссисипи.

– Джим Буш! Джим Буш! – заорал ее отец.

– Вот смешно! У меня уже уйма знакомых Джимов.

– А этот Джим сегодня ужинает за нашим столом, – продолжал судья, подмигнув, – и чтоб никаких фокусов, как на прошлой неделе.

– Что ты, Леонидас! – вскричала миссис Кори, придерживая пальцем золотую цепочку. – Что может подумать мистер Буш?..

– Если он подумает то, что думаю я, то все будет о'кей, – громко ответил судья.

– Папа, слушай, – кокетливо воскликнула Миссисипи, выставив локти и спрятав руки за спиной. – Слушай, я знаю, что делать. Давай не будем ужинать здесь. Давай поплывем на лодке на ту сторону и поужинаем в ресторанчике с фонариками, который стоит на высоком берегу. Папа, сделай это для своей Сиппи.

– Девочка моя, я бы с удовольствием поехал, если бы только мог. Видишь ли, Джим, я один из держателей акций этого лагеря и сегодня за ужином должен сделать одно важное объявление...

– Скажи ему, папа... о своей идее. Слушайте, мистер Буш.

– Да, сэр... Я придумал, что каждый, упомянувший депрессию, должен уплатить штраф в пятнадцать центов. Как вам это нравится?

– Неплохо, – сказал Браш.

– Но вы, молодые, отправляйтесь-ка туда и веселитесь, а потом расскажете, как вам понравилось.

– Не задерживайся допоздна, Миссисипи. Ты знаешь, как я волнуюсь, – сказала ее мать.

– Я сегодня не могу поехать, миссис Кори, – сказал Браш. – Меня попросили спеть у лагерного костра в восемь

часов. – В его словах сквозило удивление, что кто-то может предложить заплатить за еду в одном месте, когда она уже оплачена в другом.

– Да ведь еще только шесть часов. Вы вполне успеете туда и обратно, – сказала миссис Кори, и, пошумев, семейство судьи окончательно решило вопрос.

Судья Кори изобразил озабоченность.

– Не знаю, можем ли мы доверить нашу малышку такому увальню, как Джим, – сказал он, хлопнув с силой Браша по спине.

Браш спустился к воде, подготовил лодку, и через десять минут наша пара уже сидела в кафе «Венеция» в ожидании ужина с цыпленком за семьдесят пять центов. Миссисипи болтала без умолку, кокетливо, как ей казалось, касаясь пальцем локона на шее и складок платья у выпирающих ключиц. Она призналась, что Браш ей нравится все больше и больше.

– Так когда же вы приедете к нам в Окей-Сити, я хочу устроить для вас большую-большую вечеринку? Мой отец любит, когда я устраиваю вечеринки, и я уверена, что все мои друзья будут без ума от вас. Наша компания прекрасно проводит время. Глупостями мы не занимаемся, вы понимаете, что я имею в виду, мы просто хорошие друзья. Когда вы сможете приехать, мистер Буш?

– Я почти не хожу на вечеринки, – сказал Браш медленно, – но я как-нибудь обязательно заеду к вам, мне хочется

поговорить с вами.

Миссисипи проглотила очередной кусок цыпленка и произнесла с подчеркнутым равнодушием:

– Я, конечно, не знаю, женаты вы или нет, мистер Буш, но, я думаю, это ведь и не важно, когда люди просто друзья, как вы считаете?

Браш не отрывал взгляда от тарелки.

– Я почти помолвлен, – сказал он. – Собираюсь жениться.

Это признание вызвало у Миссисипи желание поделиться с Брашем своими мыслями о любви и браке. Браша начало очаровывать зрелище такого количества недостатков, собранных в одном человеке. От чрезмерного напряжения внимание его стало рассеиваться, и до него доходили только обрывки ее речей.

– Вы знаете, – говорила она, – мне все равно, бедный он или богатый, честное слово, но он должен иметь высокие идеалы. Мои подруги говорят, что я глупенькая, но у меня насчет этого пунктик. Я не могу выйти замуж за человека, у которого нет высоких идеалов. – Когда, однако, Миссисипи хвасталась тем, что пила джин и начала курить сигареты, Браш не выдержал. Губы против его воли сами произнесли:

– Хватит корчить из себя ребенка.

Оба были потрясены.

– Джеймс Буш, – сказала Миссисипи, – я и не знала, что вы такой грубиян. Я не корчу из себя ребенка. От нас не зависит, как мы говорим.

– Я... я прошу прощения. Это получилось против моей воли, – сказал Браш, поднимаясь и краснея. – Со мной такого никогда еще не случалось, мисс Кори. Я прошу у вас прощения.

– Но разве... разве я? Я действительно корчу из себя ребенка? Если вам что-то во мне не нравится, вы должны мне об этом честно говорить. Я человек прямой. Я люблю, когда люди говорят мне о моих недостатках. Честное слово, мистер Буш. Я не обиделась.

– Меня зовут Браш, Джордж Браш. Ваш отец все перепутал – Джордж Марвин Браш.

– Я действительно люблю, когда мне говорят о моих недостатках. Я понимаю, что далека от совершенства, честное слово.

Браш снова сел. Он наклонился вперед, упираясь локтями в колени, и смотрел в ее искаженные линзами глаза.

– Мисс Кори, я давно изучаю девушек. Где бы я ни был, я наблюдаю за ними и изучаю их. Я считаю их самыми прекрасными созданиями на свете. И к вам я тоже приглядывался... Могу я вас попросить снять на минутку очки?

Миссисипи побледнела. Дрожащей рукой она сняла очки. Перед ним было растерянное лицо с заостренным носом и скулами.

– Спасибо, – сказал он серьезно. Потом встал и сделал несколько шагов вокруг стола. – Можете снова надеть их.

Наступила тишина. Потом он опять сел, вернулся в преж-

нее положение и начал говорить с великой искренностью:

– Из своих наблюдений я вывел несколько правил для девушек. Могу я ими поделиться с вами? Нет ничего проще стать прекрасной девушкой – достаточно соблюдать эти правила. – Ее рука порывисто дернулась к губам, видимо, этот жест означал у нее согласие. – Во-первых, будьте проще во всем, что вы делаете. К примеру, никогда не смейтесь громко, не делайте неестественных жестов и не закатывайте глаз. Многие девушки не могут выйти замуж, поскольку у них нет друзей, которые могли бы научить их этим правилам. Во-вторых, разумеется, никогда не пейте спиртного и не курите. Когда девушки пьют и курят, они уже и не девушки вовсе. В-третьих, и это самое важное...

В этот момент с Миссисипи случилась истерика. Те десять минут Браш запомнил на всю жизнь. Миссисипи плакала, смеялась, задыхалась; у нее так перехватывало горло, что она не могла отпить глоток воды из стакана; она падала в гамак и вываливалась из него. Когда наконец девушка смогла взять себя в руки, она, опираясь на перила и держа Браша за руку, принялась говорить, всхлипывая:

– Какой ужас, так вести себя на людях! Я ужасная, ужасная. Но, честное слово, я не сумасшедшая. Я люблю, когда мне говорят о моих недостатках... Боже, что вы обо мне подумаете!

Браш отнес ее по лестнице на пристань и опустил в лодку. До середины озера они плыли в молчании. Миссисипи

вымыла лицо. Похоже, она считала, что отныне всецело зависит от наставлений Браша. Когда он наконец доставил ее на берег, отдыхающие уже рассаживались под деревьями вокруг костра и пели кто во что горазд. Одна популярная песенка («На железной дороге») забивала другую («Индийская любовь»). Некоторые весельчаки забавляли компанию, перебрасывая зажженный фонарик с руки на руку. Браш извинился перед дамой и ушел распеться и прополоскать горло. Он попросил устроителей выпустить его первым, потому что любил уйти со сцены в разгар аплодисментов, чтобы побродить одному и насладиться странным возбуждением, в которое он приходил после каждого публичного выступления. Когда концерт начался, он объявил свой первый номер: «На крыльях песни» Феликса Мендельсона-Бартольди, 1809 – 1847.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.